

УДК 821.111

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-69-3-174-179

ОБРАЗ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ДРУГОЙ В РОМАНЕ А. ТОРПА «ЗАТАИВ ДЫХАНИЕ»

© Лилия Хабибуллина

THE IMAGE OF THE EASTERN EUROPEAN OTHER IN A. THORPE'S NOVEL "BETWEEN EACH BREATH"

Liliya Khabibullina

The problem of the gender representation of the Other is one of the most interesting and, at the same time, little studied in Russian literary criticism. The possibility of forming an exogamous couple for an English character in a literary work indicates both the specifics of the English society attitude towards a particular nation in general, and the specifics of the author's characterization of his personage. In recent decades, English literature is beginning to consider female representatives of Eastern European countries, which previously entered the political orbit of the USSR and were not perceived in isolation from it, as a partner for such a character. This type of a female character appears in A. Thorpe's novel "Between Each Breath" (2007) and becomes not only a significant character, but also a kind of test for the main character, a composer, to go beyond his prosperous routine. Thorpe abandons the traditional depiction of the Eastern European Other in English literature and changes the system of evaluation of both this image and the images of English characters; while in the novel, one can observe the very process of transformation of meanings by doubling the plot situations and introducing a number of individual author's symbols.

Keywords: English literature, Adam Thorpe, "Between Each Breath", gender couples, Eastern European Other

Проблема гендерной репрезентации Другого – одна из самых интересных и в то же время малоизученных в отечественном литературоведении. Возможность формирования экзогамной пары для героя-англичанина обозначает в литературном произведении и специфику отношения к той или иной нации в целом в английском обществе, и специфику характеристики героя автором. В последние десятилетия в английской литературе в качестве партнерши для такого героя начинают рассматриваться представительницы восточноевропейских стран, которые ранее входили в политическую орбиту СССР и не воспринимались в отрыве от него. Такая героиня появляется в романе А. Торпа «Затаив дыхание» (2007) и становится не только значимым персонажем романа, но и своего рода проверкой для главного героя-композитора на возможность выйти за пределы благополучной обыденности. Торп отходит от традиционного изображения восточноевропейской Другой в английской литературе и изменяет систему оценок как этого образа, так и образов английских персонажей, при этом в романе можно наблюдать сам процесс трансформации смыслов за счет удвоения сюжетных ситуаций и введения ряда индивидуальных авторских символов.

Ключевые слова: английская литература, Адам Торп, «Затаив дыхание», гендерные пары, восточноевропейский Другой

Европейский Другой для английского национального сознания – это референтный тип другого, относительно которого происходит процесс собственной коллективной самоидентификации. Наиболее значимыми европейскими Другими становятся французы и итальянцы, первые ассоциируются у англичан со свободными передовыми взглядами, а вторые – с культурой и религиозностью. Постепенно, особенно со второй половины XX века, значимыми другими становятся немцы, образы которых часто играют роль «Дру-

гого Я», соотносимого с «Я» не столько через различие, сколько через сходство. В культуре хорошо известна тенденция к маскулинизации или феминизации нации в целом, в зависимости от политического или культурного контекста, О. В. Рябов в связи с этим отмечает: «Определение нации как „мужественной“ или „женственной“ включает в себя и суждения о маскулинности и феминности различных компонентов образа „Мы“» [1, с. 54]. Не будем здесь останавливаться на причинах феминизации Другого, они

подробно описаны, в частности О. В. Рябовым [Там же, с. 54–56], заметим лишь, что в английской литературе есть нации, которые представлены чаще женскими персонажами, чем мужскими: в частности, образы французов вбирают себя негативные коннотации национального характера, часто представая на страницах английских романов распущенными и корыстными (например, Селин Варанс в «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте [2, с. 161] или Аннет Ламот в «Саге о Форсайтах» [3, с. 255]) (см. подр.: [4, с. 160–218]); это же касается и русской нации, которая на уровне «русских вообще» чаще всего представлена мужчинами, а на уровне значимых персонажей – женщинами (например, в романах К. Эмиса «Эта русская» [5], У. Бойда «Не знающая покоя» [6], Э. Бёрджесса «Железо, ржавое железо» [7] и многие другие).

В этом контексте особый интерес представляет рассмотрение экзогамных гендерных пар в английской литературе. Гендерная пара (в современном мире необходимо уточнить, что речь идет в данном случае о стандартной паре, включающей мужчину и женщину) – это одно из ярких проявлений пересечения границы в отношениях с Другим. Еще с XIX века именно вторжение Другого на территорию Мы рассматривалось как нечто опасное и нежелательное, поэтому образование экзогамной пары в английской литературе до середины XX века в лучшем случае символизировало несостоятельность персонажа, вступившего в подобный союз (например, Сомс Форсайт в «Саге о Форсайтах»), а в худшем – настоящее разрушение и гибель личности, чаще всего когда речь шла о колониальной Другой (распад личности часто обозначается через алкоголизм главного героя, например Уоддингтона из «Узорного покрова» С. Моэма, правда, у него же это уже сопровождается темой духовного поиска [8, с. 201–202]). Подобная система оценок сохраняется до рубежа XX–XXI веков, достаточно вспомнить цикл романов о Гарри Поттере Джоан Роулинг, где успешные союзы главные герои создают именно с англичанками, а Флер Делакур приходится доказывать свою состоятельность как супруги Билла Уизли [9]. В то же время образование экзогамной пары связано с дискурсом завоевания, создание такой пары подразумевает метафорическое завоевание соответствующего народа, это особенно справедливо в отношении колониальной Другой и часто в отношении русской. Мы рассмотрим пару, которая встречается в литературе приблизительно с конца XX века (это пара англичанин и восточноевропейская Другая) на примере романа А. Торпа (1956) «За таив дыхание» («Between Each Breath», 2007) с

привлечением для сопоставления романа М. Брэдли (1932–2000) «Обменные курсы» («Rates of Exchange», 1983)

Восточноевропейская проблематика нередко «всплывает» в современной английской литературе, и все чаще она становится своего рода маркером способности автора или героя принять новые ценности, преодолеть традиционную английскую ксенофобию и подозрительность. В этом смысле восточноевропейская проблематика, на наш взгляд, во многом синонимична русской и по тем или иным причинам, обычно политического свойства, подменяет ее. В анализируемом романе это подтверждается тем, что ключевым текстом, на который настойчиво, если не назойливо, ссылается автор, становится «Анна Каренина».

Роман, о котором пойдет речь, демонстрирует движение от иронии 1980-х в отношении Советского Союза и его «спутников» к пику толерантности первого десятилетия двухтысячных в английском обществе, связанному со вступлением стран Восточной Европы в Евросоюз и тем самым их «присвоением». Так, если вспомнить упомянутый роман М. Брэдли, то в нем мы наблюдаем расцвет его сатирического таланта в изображении условно-восточноевропейской страны Слаки. М. Брэдли – типичный представитель английского писательского истеблишмента, который четко ориентирован на трансляцию западной системы ценностей, пусть и с большой долей иронии, при этом, как отмечает исследователь, «Брэдли неизменно критиковал коммунизм. Вину за все в восточноевропейских странах писатель возлагал на вышестоящих членов партии, которые всегда жили в капитализме, а народ – вне капитала, в бедности» [10, с. 42]. Не останавливаясь подробно на реалиях этой страны, они вполне ожидаемы, исходя из позиции автора, отметим автобиографического героя, который путешествует по линии Британского Совета с лекциями по лексикологии английского языка и со всех сторон «обложен» разного рода представителями и представительницами спецслужб и диссидентами и диссидентками, так же связанными со спецслужбами и правительством. Все представительницы женского пола в романе, включая жену английского посла, так или иначе проявляют интерес к профессору и писателю, но он останавливает свой выбор на местной писательнице Кэте Принцип, которая, как позже выясняется, использует его для того, чтобы переправить на Запад свою книгу [11].

Рассматривая романы, где появляются представительницы Восточной Европы, можно выделить следующие общие смыслы: такие героини

очень опасны для английских жен (в романе Брэдбери тема английской жены постоянно присутствует), они привлекательны (часто блондинки с голубыми глазами) и сексуальны, обладание ими часто воспринимается как способ познания Другого, в то же время они непредсказуемы; англичанин ожидает от них обмана или финансовой аферы, и если любовный роман «в путешествии» с такой героиней, скорее, стандарт для английского героя, то вторжение Другого на английскую территорию несет угрозу. Например, в романе Джонатана Коу (1961) «Номер 11» («Number 11, 2015) румынская девушка днем выгуливает собак богатых людей, а по ночам становится паучихой, которая мстит англичанам за всех мигрантов, эксплуатируемых в этой стране, мстит за то, что жизнь такого человека не имеет ценности для представителей Запада [12].

Главный герой романа Торпа, композитор, пишущий современную классику, Джек Миддлтон отправляется в Эстонию, чтобы поближе познакомиться с творчеством своего кумира, эстонского композитора Арве Пярта и сочинить музыку к торжественному и знаковому событию:

«А наше общее произведение прозвучит на весьма торжественном концерте в честь открытия „Купола“, съедутся важные персоны – королева, Тони Блэр, одним словом, „шишки“. Плод наших усилий называется Ветры Новой Европы» [13, с. 70].

Исполнение это, надо отметить, так и не состоялось.

Эстонские главы обрамляют английские, где действие происходит в Лондоне. Адам Торп строит свой роман, основываясь на добротной реалистической традиции, в частности на принципах дублирования ситуаций и персонажей. В жизни героя две женщины – его жена Миллисента, принадлежащая к старинному и богатому английскому роду Дюкрейн, и эстонка Кайя, официантка из кафе, самодеятельная скрипачка, которую он встречает в Таллинне. Образ Кайи претерпевает трансформацию, связанную скорее с эволюцией героя, чем имеющую самостоятельное значение.

В романе два основных эстонских топоса – это Таллинн и остров Хааремаа, два появления героя в Эстонии, в 1999 и в 2006 году, запараллелены множеством знаковых элементов. На первом этапе, во время первого посещения Джеком Эстонии, в 1999 году в Таллинне, описываемом как европейский город, пересекаются представители всех наций. Таллинн 1999 года определяется героем как «дом», а точнее – как часть европейского «дома»:

«В Таллинне я определенно чувствовал себя как дома. То же чувство я испытывал в Берлине, даже до падения берлинской стены, даже после моей единственной вылазки в восточный сектор: на музыкальный фестиваль, уже в эпоху гласности» [Там же, с. 12];

«Если не брать в расчет финских пьянчуг, Таллинн – вполне цивилизованный город [Там же, с. 21].

Такое «присвоение» восточноевропейского мира четко сочетается с характерным для литературы последних лет отчуждением советского русского и вытеснением его в сферу девиантного:

«На снимке, свисавшем с зеркала, Олев был похож на психопата. Возможно, он русский» [Там же, с. 12];

«Лет десять назад классное кафе в Таллинне было большой редкостью: кругом было полным-полно русских, все вокруг, в том числе и мозги, казалось серо-бурым. Раз нет уродства, то нет и красоты; без то-нальности не бывает и диссонанса» [Там же, с. 40].

В этом политическом контексте, представляющем Эстонию как страну, вырвавшуюся из ужасного прошлого, где только КГБ, колючая проволока, Эстония выступает прежде всего как сексуально привлекательный объект, и в этом вполне соотносится со стереотипом. Здесь ситуация вполне параллельна ситуации из романа Малькольма Брэдбери, где по мере увлечения Катей Принцип, герой так и не находит времени позвонить жене (в Слаке 1980-х о звонках нужно договариваться заранее), у Торпа герой иногда звонит жене, но обманывает ее или не отвечает на звонки.

На этом этапе образ Кайи, как и многое в романе, прочитывается через символические детали: скульпы, формой напоминающие раковину-каури и улыбку:

«В уголке губ у нее опять набухла складочка, и я увидел эстонскую постсоветскую улыбку, столь же малозаметную, как музыка в этом кафе» [Там же, с. 14].

Отметим, что семантика «постсоветскости» отмечает весь образ Эстонии 1999 года, наполняется множеством деталей, вроде той, что связана с молодостью Кайи, объясняемой таблетками, которые тренер из Восточной Германии давал молодым гимнасткам для замедления развития (этим потом объясняется физический дефект их сына Яана), или описания острова Хааремаа прежде всего как бывшей советской военной базы, с традиционными для английской литературы странными деталями, например о том, что в советское время нельзя было достать пленку для

фотоаппаратов или что не разрешалось пользоваться велосипедами [Там же, с. 112, 114], запрет на пение эстонских песен (видимо, речь идет об определенных песнях, но в романе это не уточняется [Там же, с. 118]), что добавляет экзотики и позволяет говорить о слабом знании реалий советской жизни при традиционной для английской литературы демонизации Советского Союза.

Уже здесь задается семантика опасности, исходящей от героини: герой представляет, как сбегает от Кайи, а она едет в Англию его преследовать, или как весь остров Хааремаа собирается на свадьбу с завидным английским женихом, герой подозревает героиню в том, что ее в Таллине пьяный матрос мог заразить СПИДом или что ее отец ворвется и убьет их [Там же, с. 109], словом, демонстрирует весь набор «колонизаторских» стереотипов.

На втором этапе, когда Кайя с сыном приезжает в Англию, она воспринимается, опять же в соответствии со стереотипом, как угроза английскому благополучию героя, активизируется тема денег, семантика опасности, семантика вторжения. Страх того, что Кайя стремится использовать его, разрушить его жизнь, буквально преследует героя, здесь стереотип включается наиболее активно:

«Но она-то, несомненно, приехала для того, чтобы меня шантажировать. Как известно, это – популярный промысел среди девиц из стран бывшего коммунистического лагеря, Таиланда и других: сначала эти барышни раскидывают сети, спят с кем попало, а когда какой-нибудь бедолага попадает на крючок, вываживают его, точно рыбу, и, наконец, выдергивают из воды – несчастный только беспомощно разевает рот. А потом ему приходится либо жениться, и тогда начинается катавасия с паспортом, либо откупаться. Классическая схема» [Там же, с. 72].

Одновременно мир, который представляет жена Джека, буквально пропитан английским благополучием:

«Вся семья Дюкрейнов стала неотъемлемой частью моей жизни, буквально вошла в мою плоть и кровь вместе с их невероятным богатством – огромным домом в Хэмпшире и гигантским запущенным парком, вернее, лесом, в котором легко затеряться» [Там же, с. 62].

В романе буквально наслаиваются друг на друга повседневные атрибуты многовекового богатства и знатности Дюкрейнов:

«Милли кладет сережки на шербатую фаянсовую тарелку примерно девяностых годов семнадцатого ве-

ка. Судя по некоторым данным, на их с Милли кровати – изъеденном древоточцем ложе с балдахинном и комковатым матрасом – одну ночь изволило почивать тучное тело другого Георга, но какого именно, Милли запаматовала» [Там же].

Сюда же относится обучение в Итоне по праву рождения, коллекция ретроавтомобилей, даже родовые привидения:

«В Холле он всегда спит прекрасно, невзирая на местные привидения. Грэм общается с ними чаще других, а особенно тесно с леди Фелисити Дюкрейн, которая в 1787 году, когда ей было всего двадцать пять лет, споткнулась, разбила голову о каменную полку над камином и скончалась» [Там же].

Герой пытается разрешить ситуацию чисто по-английски, разграничивая пространство отношений («Мы все будем проявлять терпимость и держаться в рамках приличий» [Там же, с. 124]), оправдывая тем самым и значение собственной фамилии Миддлтон, пытаюсь соблюдать середину.

На третьем этапе, во время второго визита героя в Таллинн 2006 года, на место «финских пьянчуг» становятся английские, которые чувствуют себя хозяевами в стране, теперь присвоение территории уже воспринимается самим героем негативно:

«Такое чувство, будто орда чужеземцев буянит на моей родной земле. <...> Они насмеются надо мной, принимая меня за эстонца, во всяком случае, не за англичанина, и потому считают человеком низшей расы. И одновременно восторгаются собственным уродством, грубостью и жестокостью» [Там же, с. 82].

Если в начале романа «колониальное» мышление было присуще самому герою, то в конце проявление его вульгарных признаков шокирует. Новизна авторской позиции Торпа, на наш взгляд, состоит именно в том моменте, когда семантика вторжения начинает ассоциироваться именно с английским, а не с восточноевропейским.

Герой к концу романа сумел выйти за пределы своей английской идентичности и встал на путь формирования индивидуальности, что происходит благодаря его любви. Здесь, как и во многих английских романах, путешествие на восток – в данном случае на восток Европы – становится путешествием в иной мир (его роль играет остров Хааремаа), позволяющим прийти к истинному себе, то есть формирование экзогамной пары связано с экзистенциальной и творческой проблематикой. Образ Кайи еще более четко увязывается с образом острова Хааремаа, ко-

торый в романе предстает как пространство свободы и естественной жизни. Герой на этом этапе полностью реализует свойство английского характера, которое определяется Дж. Фаулзом как стремление «уйти в лес» [14, с. 153], он буквально проводит в лесу несколько дней, появляясь перед Кайей и сыном в полностью «расцивилизованном» виде.

Образ Кайи в этой части символизирует истинный смысл и цель жизни, а также ассоциируется с образом альваара – голый или покрытый тонким слоем почвы безлесной поверхности известняков в Скандинавии – чья уязвимость напоминает героям их собственную жизнь и жизнь всей планеты. В этой части герой, как и его соотечественники, несет в себе семантику угрозы, которая связана с образом лиса в клетке. В первый приезд Джек видит лиса в клетке в доме родителей Кайи, в Англии справляется о нем и говорит, что «*надо было назвать его Джека*», а во второй тайно выпускает (символика клетки задается при знакомстве с Кайей, когда герой прочитывает ее имя как *sage* – клеть [15, с. 30]). Отпущенный на свободу лис поубивал всех кур в доме, что и стало причиной гибели героини, о которой сообщается в экспозиции романа:

«Если бы не лисий налет, женщина не стала бы брать яйца на хуторе у дальней родни и не села бы в машину с лотком на коленях» [13, с. 4].

Таким образом, Джек как лис, отпущенный на свободу, ворвавшийся в судьбу героини, получает творческое вдохновение, но несет ей гибель. Нужно отметить, что гибель Кайи задана «парной» сценой в романе, когда жена Джека теряет ребенка из-за автомобильной аварии. В обоих случаях герой прямо не виноват, но косвенно ответственен за разрушение жизни обеих женщин. Если вернуться к сравнению романа А. Торпа с романом М. Брэдли, где англичанин выступает в роли обманутого простака, идущего на поводу у своей чувственности и попадающего в ловушки восточноевропейских других, здесь сначала задаются те же смыслы, однако «простака», потерявший все и обретший взамен себя, оказывается единственным, кто остался в выигрыше. Трудный путь самопознания, который проходит герой, отказываясь от своего английского благополучия, хорошей жены и комфорта во имя обретения самого себя, своего творчества, в конечном счете приводит героиню (Кайю) к гибели.

Таким образом, в начале XXI века английские авторы, продолжая демонизировать СССР и РФ, начинают ставить вопрос о собственном

вмешательстве в жизнь других народов на примере восточноевропейского Другого. Экзогамная гендерная пара, где мужчина англичанин, а женщина представляет другой народ, по-прежнему четко соотносима с дискурсом завоевания, но в романе Торпа совершенно иначе, чем у его предшественников, реализуются вполне узнаваемые смыслы, постепенно проявляется мысль о том, что не столько Восток несет угрозу Западу, сколько Запад, используя представителей Востока в своих целях, несет разрушение и гибель.

Список источников

1. Рябов О. В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М.: Ладомир, 2001. 202 с.
2. Бронте Ш. Джейн Эйр / пер. с англ. В. Станевича. Ижевск: Урал-БИСИ, 1992. 512 с.
3. Голсуорси Д. Сага о Форсайтах / пер. с англ. под ред. М. Лорие. Т. 2. М. Художественная литература, 1973. 766 с.
4. Хабибуллина Л. Ф., Бреева Т. Н. Национальный миф в художественной литературе. М.: Флинта, 2019. 500 с.
5. Amis K. The Russian Girl. Lnd.: Penguin Books, 1995. 296 p.
6. Boyd W. Restless. NY, Berlin, Lnd.: Bloomsbury, 2006. 325 p.
7. Берджесс Э. Железо, ржавое железо / пер. с англ. А. Пинского, Е. Домбаян. М.: Иностранка, 2005. 495 с.
8. Моэм С. Узорный покров / пер. с англ. М. Лорие. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Хранитель, 2007. 285 с.
9. Роулинг Дж. Гарри Поттер и Дары смерти / пер. с англ. С. Ильин, М. Лахута, М. Сокольская. М. Росмэн-пресс, 2007. 640 с.
10. Марданов А. А. Текстуализация субъекта и «конец истории» в романах М. Брэдли // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Литературоведение. 2013. № 10. С. 40–44.
11. Брэдли М. Обменные курсы / Малькольм Брэдли; пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. М.: АСТ: АСТ Москва: Транзиткнига, 2006. 397 с.
12. Коу Дж. Номер 11. Безумие, заметки наблюдателя / пер. с англ. Е. Полецкая. М.: Фантом Пресс, 2016. 432 с.
13. Торп А. Затаив дыхание / пер. с англ. И. Стам // Иностранная литература, 2013. № 7. С. 3–135.
14. Фаулз Дж. Быть англичанином, а не британцем // Фаулз Дж. Кротовые норы / пер. с англ. И. Бессмертной, И. Тоговой. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 143–160.
15. Thorpe A. Between Each Breath. Vintage books Lnd. 2007 425 p.

References

1. Ryabov, O. V. (2001). *"Matushka-Rus'": Opyt gendernogo analiza poiskov natsional'noi identichnosti Rossii v otechestvennoi i zapadnoi istoriosofii* ["Mother Russia": Gender Analysis of the Search for Russia's National Identity in Russian and Western Historiosophy]. 202 p. Moscow, Ladomir. (In Russian)
2. Bronte, Sh. (1992). *Dzhein Eir* [Jane Eyre]. Per. s angl. V. Stanevicha. 512 p. Izhevsk, Ural-BISI. (In Russian)
3. Golsuorsi, D. (1973). *Saga o Forsaitakh* [The Forsyte Saga]. Per. s angl. pod red. M. Lorie. T. 2, 766 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
4. Khabibullina, L. F., Breeva, T. N. (2019). *Natsional'nyi mif v khudozhestvennoi literature* [National Myth in Fiction]. 500 p. Moscow, Flinta. (In Russian)
5. Amis, K. (1995). *The Russian Girl*. 296 p. Lnd. Penguin Books. (In English)
6. Boyd, W. (2006). *Restless*. 325 p. NY, Berlin, Lnd. Bloomsbury. (In English)
7. Berdzhes, E. (2005). *Zhelezo, rzhavoe zhelezo* [Any Old Iron]. Per. s angl. A. Pinskogo, E. Dombayan. 495 p. Moscow, Inostranka. (In Russian)
8. Moem, S. (2007). *Uzornyi pokrov* [The Painted Veil]. Per. s angl. M. Lorie. 285 p. Moscow, AST. AST MOSKVA, Hranitel'. (In Russian)
9. Rouling, Dzh. (2007). *Garri Potter i Dary smerti* [Harry Potter and the Deathly Hallows]. Per. s angl. S. Il'in, M. Lahuta, M. Sokol'skaya. 640 p. Moscow, Rosmen-press. (In Russian)
10. Mardanov, A. A. (2013). *Tekstualizatsiya sub"ekta i "konets istorii" v romanah M. Bredberi* [Textualization of the Subject and the "End of History" in M. Bradbury's Novels]. Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki. Literaturovedenie. No. 10, pp. 40–44. (In Russian)
11. Bredberi, M. (2006). *Obmennye kursy* [Rates of Exchange]. Mal'kol'm Bredberi; per. s angl. E. Dobrohotovoi-Maikovoi. 397 p. Moscow, AST. AST Moskva, Tranzitkniga. (In Russian)
12. Kou, Dzh. (2016). *Nomer 11* [Number 11]. Bezumie, zametki nablyudatelya. Per. s angl. E. Poletskaya. 432 p. Moscow, Fantom Press. (In Russian)
13. Torp, A. (2013). *Zataiv dyhanie* [Between Each Breath]. Per. s angl. I. Stam. Inostrannaya literatura. No. 7, pp. 3–135. (In Russian)
14. Faulz, Dzh. (2003). *Byt' anglichaninom, a ne britantsem* [On Being English but Not British]. Faulz. Dzh. Krotovye nory. Per. s angl. I. Bessmertnoi, I. Togoevoi. Pp. 143–160. Moscow, OOO "Izdatel'stvo AST". (In Russian)
15. Thorpe, A. (2007). *Between Each Breath*. 425 p. Vintage books. Lnd. (In English)

The article was submitted on 14.07.2022

Поступила в редакцию 14.07.2022

Хабидулина Лилия Фуатовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
fuatovna@list.ru

Khabibullina Liliya Fuatovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
fuatovna@list.ru